
Вера ЗУБАРЕВА

ЛУКОМОРЬЕ У БЕРЕГА

* * *

Дом сигналил за дальними далями.
Снова брезжит, как старый фильм,
То ли берег, однажды оставленный,
То ли тот, кто оставлен им.
Все из этого фильма родом мы.
Вход — на линии береговой.
На табличке: «Билеты проданы».
В зале памяти — никого.
Только ты и ее откровения.
Им внимаешь. В который раз!..
Значит, впрямь есть что-то вне времени,
Коль вчера болит, как сейчас.

* * *

Если прошлое снится,
Если прошлое ходит за тобой по пятам,
Это значит,
Ты не здесь, а там.

Если прошлое греет,
Если прошлое посылает весть,
Это значит,
Оно не там, а здесь.

Если прошлое сдуло
И размыло, как след на воде,
Это значит,
Оно нигде.
И ты нигде.

Вера Кимовна Зубарева — доктор филологических наук Пенсильванского университета. Автор книг поэзии, прозы и литературной критики. Пишет и публикуется на русском и английском языках. Первый сборник стихотворений вышел с предисловием Беллы Ахмадулиной. Лауреат Международной премии им. Беллы Ахмадулиной (2012), Муниципальной премии им. Константина Паустовского (2010) и других престижных литературных премий. Публиковалась в журналах «Арион», «Вопросы литературы», «Дружба народов», «Знамя», «Нева», «Новый мир» и др. Главный редактор журнала «Гостиная», президент проекта «Русское безрубежье».

* * *

Как там мама?
Что-то часто снится.
Чуть глаза прикроешь — звуки ветра,
Улиц разлетаются страницы.
Черно-белый ролик в стиле ретро.
Все одно и то же —
Дождь и ветер,
Море во весь рост,
В болтанке катер...
Дубль первый, пятый, двадцать третий...
Ночь за ночью,
Кстати и некстати.
Думаешь, пустое?
Да, ноябрь,
Да, срывает листья. Серо. Голо.
Но при чем тут эти сны?
Корабль,
Лоцман на трубе,
Аллея,
Школа,
Уговор сорваться на казенку...¹
Как трамвай? Скрипит еще по рельсам?
Что ни сон, кричу ему вдогонку:
«Как там мама — как моя Одесса?..»

* * *

Кто на улицу попал —
Заблудился и пропал.
Корней Чуковский. Краденое солнце

Закрой глаза, и это все придет,
И мы причалим в мир дозрослый, в тот
Добрейший дом на улице Свердлова,
Где гавань-двор и оберег ворот,

В окне лоза, над ней пчела жужжит,
И облаков рассветных виражи,
И кто-то обронил спросонок слово
И постучался в день, и каждый жив.

Резвится солнце. А из-за ворот
Доносится родной мироворот.
Трамвай гудит, расплескивая лужи,
Как самый важный в мире пароход.

¹ Прогул занятий (регионализм).

Все сразу встанет на свои места —
И памятник, что не сошел с поста,
И парк, что со своим названьем дружит,
История — не с чистого листа.

Там хор друзей под окнами зовет,
Хохочет и гоняет взад-вперед,
И мама отпускает наконец-то
С условием — чтоб только до ворот.

И мы играем в жмурки (дыр-дыра!²),
А тот, кто выбегает со двора,
Уже не сможет возвратиться в детство
Из шторма, где трещит по швам «вчера»...

ОДЕССА

Долгий вечер тянется к сводам окна.
В зрительном зале улицы — глубина.
Рампа бордюров в свете мелькающих фар.
Ветры надули лунный блестящий шар.
У нее глаза цвета морской волны,
Летнего неба, утренней глубины,
Бликов на яхте, изумрудной росы.
Так она грезится башням в эти часы
В сумерках Города, в ритмах его морей,
В переплетеньях уличных фонарей.
А заодесье
замерло дотемна...
Что в этой пьесе?
Только бы не война...

В ПРЕДДВЕРИИ 2 МАЯ

Сумерки сгущаются к маю.
Близок. Вот-вот наступит.
Мается, бродит по краю,
По ковылю на уступе,
Море тревожит. Снится
Черному морю маевка,
Стены, где выжжены лица
В чайнье (крика? вдоха?).
Кружит больная память —
Стон в обгоревших лохмотьях.
Кто их сумел с ней сплавить?
Стали ее плотью.

² Восклицание во время игры в жмурки (регионализм).

Воет: «Уж скоро, скоро
Запыльхает солнце.
Сбросьте его с собора,
Пусть оно разобьется...»

* * *

Город в розыске.
Обследуют за кварталом квартал.
Он объявлен разносчиком опасного духа.
Ему грозит трибунал
За мятежность лестницы, благородство Дюка,
Пыл Де Рибаса, взявшего Хаджибей,
Основавшего наперекор надменному соседу
Чудо-мост меж Россией и Европой. Бей
Отщепенца, праздную победу!
Слава рейху! Два прихлопа, один прискок.
Гольгѣба гуляет. Прошное грабят.
Сломан компас. Как попасть на восток?
Стрелка все время показывает на запад.
Оккупанты-волны русский дух несут к берегам.
Их решают взорвать. И как можно скорее
Город казнить. А затем — в бега,
Чтобы не успели вздернуть на рее.
«Слава фараону!» — бьют в колокола.
Народ безмолвствует.
Слышен скрип трамвая.
Приговор оглашают: «Город сжечь дотла
В Доме профсоюзов 2 мая».

* * *

Хоть построй вокруг изгородь,
Запрети его речь,
Этот Город не вытравить,
Этот Город не сжечь.
Хоть ордою кочевников
Накати, как волна,
На страницах учебников
Замени имена,
Пришлой антикультурой
Жги отцовский завет,
Самурайской сакурою
Режь акации цвет,
Он вберет все речения,
Свяжет, преобразит,
И на встречном течении³
Возрастет одессит.

³ «Встречное течение» — известная концепция заимствования в литературе, принадлежащая А. Веселовскому.

Из таких и слагается
Город — мира оплот,
Белый ангел акации,
Белых чаек полет,
Пароход белый-беленький,
Неподвластный ветрам,
Лукоморье у берега,
И над берегом — храм,
И наречий мелодии,
Родословные лиц...
В этом дворике-Городе
Корни мира сплелись.

* * *

Город в ожидании белокрылой чайки.
Лодка в печали
Стоит на причале.
В детстве сплошь и рядом опечатки,
Которых только мы не замечали.
Улицы те же. Названья другие.
Кто-то сторонний взялся их править.
Бродит по Городу ностальгия,
Хочет уткнуться в детскую память.
Может, все еще однажды вернется —
Ветка акации белокрылой,
Памятник, площадь в утреннем солнце...
А иначе зачем это все было?

* * *

Этот мир и без нас разберется,
Этот мир и без нас проживет,
Даже если вдруг вспыхнет солнце
И расколется небосвод,
Даже если вздрогнут планеты
И сойдут со своих орбит,
Даже если все-таки это
Кто-то высший предотвратит...
Даже если и даже не если
Разлетится все в пух и в прах,
Будет ждать в условленном месте
В заповедных своих краях
Город-притча. В штормах лихолетий
Там отцы воздвигали мечту.
И уже заслужил он этим,
Чтоб стоять с ним плечом к плечу.

ПУШКИНСКИЕ МОТИВЫ

1.

Вновь у Старухи на посылках,
И стравлен мир исподтишка.
Несутся в бой — в башке опилки —
За Золотого Петушка.

О петушке они не в курсе.
Ведь им обещаны луга.
В ответ на оклик: «Гуси-гуси!» —
Зигуют дружно: «Га-га-га!»

Что, Просвещенная, бушуешь?
Ученья изливаешь яд?
Несешь нашкрябанный для чудищ
Единым почерком плакат?

Визжат: «Свобод!» В подтексте: «В гетто!»
Чума во всем, чума везде.
Мы все это читали где-то.
И даже точно помним где.

Все тот же клич, все те же толпы,
Все тот же допуск на разбой.
Прощай, свободная Европа!
В последний раз перед тобой.

2.

К 190-летию написания «Сказки о рыбаке и рыбке»

Золотая рыбка в Черном море резвится.	А наутро плавают
Ворочается ночами заморская царица.	Кораблей корыта,
Снится ей город	И планы заморской царицы разбиты.
С златоглавыми церквами,	Сидит и считает свои убытки.
С шумными улицами,	Не читала, видимо,
Памятниками, дворами...	Сказку о Золотой Рыбке.
Посылает за рыбкой своего старика	
И флот снаряжает, чтоб наверняка.	

3.

В Городе ввели комендантский язык.
По улицам снуют натренированные овчарки.
Издают предупредительный рык.
Горожане усваивают правила «молчанки».

Закон не распространяется только на глухонемых.
Правда, имеются исключения —

На прицел взяты памятники, потому что их
Молчание расценивается
Как запрещенное речение.

А море рокочет,
А с берега лают в упор,
И это выходит уже за рамки.
Недовольно в глубинах ворочается Черномор.
Кликнет витязей,
Тридцать три — и в дамки!

Лай в ответ пуще прежнего.
Море вот-вот закипит.
На каждую волну по овчарке спущено.
Но свободной стихией повелевает пиит,
И она рокочет на языке Пушкина.

ШЕКСПИРИАНА

1.

Нет повести печальнее на свете —
Шекспиром обрядился генерал.
Сражаются Монтеки с Капулетти.
Мир смотрит грандиозный сериал.

Ведутся съемки прямо с поля боя,
Военных действий огнедышит театр,
Мы следуем под взрывы за Судьбою,
И оператор шумно дышит в кадр.

Удар — удар. Прилеты и ответы.
Сценарием владеет Голливуд.
Но нет в нем ни Ромео, ни Джульетты.
И пьеса вырождается в абсурд.

2.

Неважно, что там, в суете мирской,
А здесь — солдат ли, витязь ли морской —
Пекутся о родимом бреге,
О горсточке земли как обереге.
А тот, кто превратил всю землю в тир
И мировую карту расчертил,
Чтоб обустроить второе гетто,
Забыл, что родина — особая примета,
Не номер на руке — ориентир.
Солдат и родина —
Ромео и Джульетта.
Но в пьесе от небесного Шекспира
Последний акт — о возрожденье мира.